

Обреченный на успех

Российская премьера "Стикса"

Гии Канчели

Впервые "Стикс" прозвучал в Амстердаме 7 ноября, а вот теперь добрался и до Москвы, несколько уставшей под конец года, отмеченного "Декабрьскими вечерами", концертами БСО и РНО, премьерой "Псковитянки"... Поэтому удивить ее было трудно. Однако любое произведение Канчели вызывает неподдельный интерес.

"Стикс" трудно вписать в какие-то жанровые рамки: это сочинение тяготеет к оратории, но фактически является концертом "для Башмета, хора и оркестра" — во всяком случае, таким оно запомнится большинству слушателей. А жаль. Если здесь и можно говорить о какой-то первой роли, то ее играет композитор, а не кто-либо из исполнителей. Недаром в первое отделение дирижер Джансуг Кахидзе поставил такой же автобиографический, как у Канчели, опус Рихарда Штрауса — симфоническую поэму "Жизнь героя".

Правда, штраусовская биография несколько иного свойства — она подчеркнута помпезна, перенасыщена событиями и выписана с изрядной долей самолюбования (недаром композитор признался Ромену Роллану, что его собственная личность интересует его не меньше чем, например, Наполеон). Впрочем, гении — по большей части эгоцентрики и имеют право на самовосхваление, особенно если оно обретаем столь эффектное воплощение, как "Жизнь героя". Приятно было услышать Госоркестр в его лучшей форме, виртуозно озвучивающий штраусовские "вершины и спады". Кахидзе, несомненно, подействовал на него благотворно. И это радует.

Произведение Канчели предвзвешено словами автора: "С годами я ощущаю все более глубокую потребность в общении с близкими мне людьми, кого уже нет в живых, но общение с которыми не прерывается, а душевная связь становится еще теснее". Воды священного Стикса разделяют живых и мертвых, их медиумом-связным становится голос альта — таков вкратце сюжет, воплощенный в звуках и словах. Подобная исповедь композитора может вызвать умиление, а может — раздражение, хотя никто не посмеет сомневаться в ее искренности. Воплощение этой исповеди в музыке произвело должное впечатление на всех, вероятно, потому, что оно сочетает в себе несочетаемое —

простоту и сложность. При этом Канчели остается самим собой — таким, каким его знала публика, таким, каким его играл Башмет. Музыкант услышит в "Стиксе" отзвуки барочных аллегорий и неоклассических канонов, отыщет аллюзии и цитаты (вдруг проскальзывает знаменитая мелодия из "Мимино"); не музыкант — просто хорошую музыку, повествующую о жизни и смерти. Госоркестр и Камерный хор Бориса Тевлина воплощали партитуру лаконично и точно — уверенный жест Кахидзе подчинял себе всю огромную звуковую массу, посылающую в зал оглушительное форте и тишайшее пиано с обоих берегов Стикса. Светотеневые контрасты, на которых строится драматургия,глядеть почти невозможно, как невозможно воссоединить живых

и мертвых. Единственным "но", умиротворяющим два мира, приводящим их к какому-то компромиссу, является альтовый голос, которому композитор доверяет миссию посредника. Подобный "крест" для Юрия Башмета нелегок, но почетен — звук его альты прорывается сквозь хоровые и оркестровые лавины и затем, оставшись в одиночестве, медленно удаляется, истаявая до еле слышного "шепота". Гия Канчели не делает однозначного резюме, предоставляя каждому слушателю самому определить свое отношение к "Стиксу". При нашемприятии или неприятии этого произведения его тема — жизнь и смерть — всегда остается актуальной.

Михаил ГОЛИЦЫН

Фото НЛОГИНОВОЙ

Джансуг Кахидзе